

**СООТНОШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
И БРАЧНОЙ СТРУКТУРЫ В МАТЕРИАЛАХ ВСЕРОССИЙСКИХ
ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 2010 И 2020 гг.**

Ершова Гузель Николаевна

канд. ист. наук, старший научный сотрудник

ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский
технологический университет»

г. Казань, Российская Федерация

Ершова Юлия Николаевна

научный сотрудник

Центр семьи и демографии

ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»

г. Казань, Российская Федерация

^a <https://orcid.org/0000-0001-6399-0521>, e-mail: ershova104@mail.ru

^b <https://orcid.org/0009-0000-9447-8010>, e-mail: ershova1985@mail.ru

Аннотация: в условиях многонационального состава населения Российской Федерации исследование факторов, детерминирующих матримониальное поведение, приобретает значимый теоретический и прикладной характер. Трансформация института семьи актуализирует вопрос о роли этнической идентичности в динамике брачной структуры. Цель работы — на основе данных Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. выявить тенденции изменения брачной структуры различных национальных групп. Эмпирической базой исследования послужили итоги Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. В исследовании используется сравнительный анализ брачной структуры в возрастно-половом и национальном разрезах. Особое внимание авторами уделяется методическим вопросам учета и проблеме роста числа респондентов, не указавших брачное состояние. В ходе исследования выявлены особенно-

сти брачной структуры представителей кавказских народов, у которых сохраняется традиционная модель с высокой официальной брачностью и низкой долей разводов. В старших возрастных когортах межэтнические различия нивелируются, что указывает на конвергенцию брачных моделей. Этническая идентичность выступает контекстуально-зависимым фактором брачной структуры населения России, на который воздействует уровень урбанизации, мобильности и ценностных сдвигов. Рост доли респондентов с неопределенным брачным статусом создает методологические ограничения, требующие корректировки инструментария сбора данных. Перспективные направления исследований связаны с учетом региональной специфики, образовательного и миграционного факторов для верификации полученных выводов.

Ключевые слова: *Всероссийская перепись населения, этническая идентичность, брачное поведение, брачное состояние, демографические процессы, национальный состав населения.*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00556, <https://rscf.ru/project/25-28-00556>

**THE INTERRELATION OF ETHNIC IDENTITY
AND MARITAL STRUCTURE IN THE MATERIALS
OF THE ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUSES OF 2010 AND 2020**

Ershova Guzel Nikolaevna

candidate of historical sciences, senior research fellow

Kazan National Research Technological University

Kazan, Russian Federation.

Ershova Yulia Nikolaevna

research fellow

Center for Family and Demography,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Kazan, Russian Federation.

^a <https://orcid.org/0000-0001-6399-0521>, e-mail: ershova104@mail.ru

^b <https://orcid.org/0009-0000-9447-8010>, e-mail: ershova1985@mail.ru

Abstract: *in the context of the multiethnic composition of the population of the Russian Federation, the study of factors determining matrimonial behavior acquires significant theoretical and applied relevance. The transformation of the family institution brings the question of the role of ethnic identity in the dynamics of marital structure to the fore. The aim of the study is to identify trends in changes in the marital structure of various national groups based on data from the All-Russian Population Censuses of 2010 and 2020. The empirical base of the study comprises the results of the All-Russian Population Censuses of 2010 and 2020. The study employs a comparative analysis of marital structure in age-sex and national terms. Special attention is paid by the authors to methodological issues of accounting and to the problem of the growing number of respondents who did not indicate their marital status. The study identifies specific features of the marital structure among representatives of Caucasian peoples, who retain a traditional model with a high official marriage rate and a low divorce rate. In older age cohorts, interethnic differences are leveled out, which indicates a convergence of marriage patterns. Ethnic identity acts as a context-dependent factor of the marital structure of the Russian population, influenced by the level of urbanization, mobility, and value shifts. The growing proportion of respondents with an indeterminate marital status creates methodological limitations that require adjustments to data collection instruments. Promising areas of research are related to taking into account regional specifics, as well as educational and migration factors, in order to verify the findings obtained.*

Keywords: *All-Russian population census, ethnic identity, marital behavior, marital status, demographic processes, national composition of the population.*

The research was funded by the Russian Science Foundation, Grant No. 25-28-00556, <https://rscf.ru/project/25-28-00556>

Введение

Вопрос о значимости этнической идентичности¹ при формировании matrimониального поведения представляет собой одну из проблем современной демографической и этносоциологической науки. В условиях многонационального состава населения Российской Федерации, где, согласно данным Всероссийской переписи населения, проживают представители более 190 национальностей, изучение факторов, влияющих на брачное поведение, приобретает как теоретическое, так и практическое значение. В ходе эволюции семейных отношений в России, обусловленной сдвигами в социальных и экономических функциях мужчин и женщин, получают распространение альтернативные модели семьи: домохозяйства из одного человека, неполные семьи, а также семьи «пропущенного поколения» (бабушки и дедушки с внуками). Отход от классической модели семейного устройства оценивается как негативный тренд, способный порождать социальную напряженность и дисбаланс в обществе.

Теоретико-методологическая база настоящего исследования опирается на комплекс подходов к изучению институционального контекста этничности.

Конструктивистская парадигма трактует этничность как изменчивый социальный конструкт². Ключевым здесь является тезис о том, что этнические группы конституируются через идентификацию: приписывание этничности извне или выбор самого субъекта³. Инструменталистский подход фокусируется на этничности как на ресурсе достижения социального контроля и реализации идео-

¹ В данной статье понятия этнической и национальной идентичности, вслед за массовым сознанием и академической традицией, используются как равнозначные, при этом авторы всех граждан России относят к российской нации и являются сторонниками концепта российского государства-цивилизации.

² Anderson B. *Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1991. 224 p.; Gellner E. *Nations and nationalism*. Ithaca : Cornell University Press, 1983. 183 p.; Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 года*. Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. 119 с.; Brubaker R. *Ethnicity Without Groups*. London : Harvard University Press, 2004. 203 p.; Тишков В. А. *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. Москва : Наука, 2013. 649 с.

³ Барт Ф. *Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий*. Москва : Новое издательство, 2006. 198 с.

логических интересов⁴. Примордиалистская интерпретация этничности трактует этнические общности как иерархически организованные системы, однако данный подход не позволяет в полной мере проследить динамику этнических идентичностей в условиях социальных изменений⁵. В свою очередь этносимволистское направление⁶ актуализирует вопросы исторической преемственности этнического сознания и устойчивости механизмов конструирования символических границ между группами. В данной статье применяется терминология идентификации⁷, функционирующей в кодифицированном фрейме.

Современные социально-психологические исследования идентичностей направлены на выявление каузальных механизмов, связывающих групповую идентичность как с конфликтом, так и с сотрудничеством [Klein, Bastian, Odjidja, Ayaluri, Kavanagh, Mala, Whitehouse, 2025], исследования феноменов двойной идентичности (общей идентичности при сохранении уникальной), слияния идентичностей на примере конфликтных и постконфликтных регионов [Zhao, Wen, Ye, Wang, Zuo, 2026]. Антрополог С. В. Соколовский отмечает, что наложение различных регистров идентичности остается наименее изученным аспектом в исследованиях идентичности⁸. Данные исследования предоставляют эмпирические доказательства того, что идентичность функционирует по-разному в зависимости от контекста, и предлагают измеримые конструкты. Субъектно-ориентированный подход характеризуется методологическим поворотом к признанию участников исследования как полноправных субъектов. Исследовательская оптика дополняется методом коллажей идентичностей, позволяющим отслеживать опыт, который не поддается линейному нарративу и

⁴ Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. Москва : Наука, 2003. 764 с.; Дробижева Л. М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 89–101.

⁵ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Санкт-Петербург : Кристалл, 2001. 640 с.; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. Москва : Наука, 1983. 412 с.

⁶ Armstrong J. A. Towards a theory of nationalism: consensus and dissensus // *Notions of nationalism*. Budapest, 1995. P. 34–43; Smith A. D. The Genealogy of Nations: An Ethno-symbolic Approach // *When is the nation?* London : Routledge. 2005. P. 95–100; Hutchinson J., Smith A. D. *Cultural Nationalism and Moral Regeneration* // *Nationalism*. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1994. P. 122–131.

⁷ Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity”. *Theory and Society*. 2000. Volume 29, No. 1. P. 1–47.

⁸ Соколовский С. В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. 2-е издание. Набережные Челны, 2009. 248 с.

«услышать голос» маргинализированных групп (беженцев, мигрантов и так называемых представителей «смешанных» групп) [Iannone, Murdock, 2025]. Третье направление охватывает работы, использующие макроисторические, культурфилософские и политологические подходы. Исследователи рассматривают идентичность и межгрупповые отношения на уровне цивилизаций, государств и их идеологических систем. Методологически эта группа опирается на концептуальный анализ цивилизационной идентичности, сравнительный исторический анализ, теорию множественных современностей и критический дискурс-анализ⁹ [Баранов, 2024; Yue, 2026]. Данное направление работает на макроуровне, при этом требуется операционализация ключевых понятий, чтобы быть интегрированным с эмпирическими исследованиями¹⁰.

Вопросы, связанные с матримониальным поведением населения в различных странах, неизменно находятся в фокусе пристального внимания со стороны экспертного сообщества. В рамках социологической проблематики активно исследуются как предпосылки, так и последствия кризисных явлений в сфере семейных отношений¹¹, где рассматривается трансформация института семьи в контексте меняющихся социальных условий. Данные изменения рассматриваются в неразрывной связи с эволюцией социальных практик¹², кроме того, ряд авторов обращается к концептуальным вопросам соотношения официально зарегистрированного брака и сожительства как альтернативных форм партнерства¹³, особый исследовательский интерес вызывает проблематика симметричности брачных отношений, динамика гендерных ролей и распределение функ-

⁹ Арутюнян Ю. В. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 91–97; Балакин В. С. «Цивилизация» в междисциплинарном контексте современных отечественных исследований // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2019. Том 19, № 4. С. 16–23.

¹⁰ Шнирельман В. А. Цивилизационный подход как национальная идея // *Национализм в мировой истории*. Москва : Наука, 2007. С. 82–104.

¹¹ Duncan S., Phillips M. New families? Tradition and Change in Modern Relationships. *British Social Attitudes: The 24th Report*. London : Sage, 2008. P. 1–28.

¹² Beck U., Beck-Gernsheim E. *Normal Chaos of Love*. Cambridge : Polity Press, 1995. 231 p.

¹³ Casper L. M., Bianchi S. M. *Continuity and Changes in the American Family*. Thousand Oaks : Sage, 2002. 408 p.

ций ролей в рамках супружеского союза¹⁴. Российские исследователи осуществляют кросс-страновые исследования и оценку различий динамики и факторов брачности¹⁵, фиксируют проявления кризиса института семьи: снижение брачности [Корчагина, 2024], рост доли незарегистрированных браков [Малютина, Логинова, Шевелева, 2024], распадающихся браков, повышение брачного возраста [Максимова, Караулова, Короткова, 2024], выявленных на основе исследований статистических данных и агрегаторов опросов общественного мнения [Тимофеева, Леженина, 2026]. В. Н. Архангельским и его соавторами предложена авторская методика оценки брачности реальных поколений по данным текущего статистического учета [Архангельский, Золотарева, Кумачева, 2025]. А. Б. Синельниковым разработана методика расчета кумулятивного коэффициента брачности разведенных [Синельников, 2025]. Ряд ученых концентрируется на исследованиях социальных практик брачного поведения молодежи: особенностях матримониальных установок [Ростовская, Васильева, 2024], брачного потенциала молодежных когорт [Сивоплясова, Сигарева, 2025].

Некоторые российские исследователи фокусировались на региональной дифференциации брачного поведения [Апалькова, 2024; Хурамшина, 2025], региональных демографических аномалиях [Карашпай, 2026; Круг, 2026]. Половозрастная структура как предиктор брачности отмечена демографами как на федеральном, так и на региональном уровне [Абдульязнов Архангельский, Биктимиров, Гневашева, Ершова, Ильдарханова, 2023]. Российские исследователи пришли к выводу, что снижение общего коэффициента брачности объясняется сдвигами в половозрастной структуре населения, а увеличение среднего возраста вступающих в брак детерминировано не столько откладыванием брака среди впервые вступающих в брак, сколько уровнем повторной брачности [Ильдарханова, Ершова Г., Ершова Ю., 2024]. В данной статье предпринята попытка выявить тенденции изменения брачной структуры населения Российской Федера-

¹⁴ Caballero S., Edwards R., Puthussery Sh. Parenting 'Mixed' Children: Negotiating Difference and Belonging in Mixed Race, Ethnicity and Faith Families. York : Joseph Rowntree Foundation, 2008. 68 p.

¹⁵ Щербакова Е. М. Брачность в странах ЕС–28, 1990–2015 // Демоскоп Weekly. 2017. № 725–726. С. 11–20.

ции под влиянием фактора этнической идентичности по данным Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.

Материал и методы исследования

Всероссийские переписи населения являются основным источником информации о брачной структуре и национальном составе населения. В статистических формах, ежегодно разрабатываемых Росстатом, за 2010 г. отсутствовала информация об очередности брака (первый или повторный) в разрезе возрастов жениха и невесты.

Определенные лакуны имеются также в ежегодных статистических формах о разводимости: в половине случаев не указан возраст мужчин, соответственно следует считать более репрезентативными данные по разводам женщин по возрасту.

Настоящая статья основана на анализе данных таблиц 9 и 11 Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.¹⁶

Итоги переписей населения 2010 и 2020 гг. представляют наиболее репрезентативные сведения о брачной структуре населения в разрезе как возрастнополовом, так и в территориальном. В переписи 2010 г. в блок вопросов о семейном положении были введены разграничения «разведен официально» и «разошелся», что позволило получить более детальную информацию о брачной структуре. В переписи 2020 г. методика была усовершенствована через выделение шести категорий брачного состояния, включая «состою в незарегистрированном супружеском союзе», что фиксирует фактическое, а не только юридическое состояние брака. Идентификация по национальности в документах, удостоверяющих личность гражданина, была упразднена в 1997 г., запись о национальности в актах гражданского состояния заполняется по желанию заявителя,

¹⁶ Перепись населения–2010. URL : https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения : 24.06.2026); Итоги ВПН–2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. URL : https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения : 24.06.2026).

с 2009 г. формы ежегодного статистического учета по национальности в России перестали разрабатываться.

Этническая идентичность в переписях населения определяется на основе самоидентификации респондентов, что соответствует Конституции Российской Федерации и международным рекомендациям. Далее ответы респондентов перекодируются и сводятся переписчиками в сформированный Институтом этнологии и антропологии РАН перечень этнических групп. Изменение численности населения определенных категорий по итогам переписей могло происходить по причине модификации критериев учета населения, методики проведения переписей населения, включая изменение этнической номенклатуры. Соответственно переписи 2010 и 2020 гг. позволили зафиксировать диапазон этнических идентификаций населения согласно перечню, утвержденному Институтом этнологии и антропологии РАН¹⁷.

Цель данного исследования — на основе данных Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. выявить тенденции изменения брачной структуры различных национальных групп за межпереписной период.

Задачи исследования — оценить динамику брачной структуры населения Российской Федерации за межпереписной период 2010–2020 гг., выявить возрастно-половые особенности брачной структуры различных национальных групп.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., 16% женщин и 24% мужчин бракоспособного возраста никогда не состояли в браке. В старших подростковых возрастах 16–19 лет 97% юношей не состоят в браке, по 3% населения во всех пятилетних группах не указали брачное состояние. Ни разу не вступали в брак три четверти молодых людей в возрасте 20–24 лет, среди 25–29-летних таковых почти 40%, 20% и 13% — в группах 30–34 и 35–39 лет, в

¹⁷ Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н. Конвергенция идентификации татар в контексте Всесоюзной переписи населения 1926 года // Управление устойчивым развитием. 2022. № 2. С. 30–35.

остальных пятилетних группах ни разу не вступавших в брак менее 10%. В пятилетних группах от 20 до 49 лет десятая часть мужчин состояли в неофициальных отношениях при среднем показателе по РФ 8%, наименьшая доля сожительства в группах старше 65 лет — 5% и менее. Наибольшие доли (почти десятая часть) разведенных мужчин сконцентрированы в пятилетних группах 35–59 лет. 53% мужчин официально зарегистрировали отношения: однако их доли дифференцированы по возрастным категориям: в группах 20–24 лет женаты 14%, 25–29 лет — 40%, 30–49 лет — более 50%, в группах старше 50 лет их доля превышала 70%.

Согласно переписи населения 2010 г. половина женщин РФ бракоспособного возраста состояла в браке, в том числе 7% — в незарегистрированном, десятая часть женщин указали, что расторгли брачный союз. Наименьшие доли замужних женщин были в старших подростковых возрастах (2 и 11% соответственно), группах 20–24 года и 65–69 лет доля женщин в браке почти по 40%, однако начиная с 20 до 49 лет почти десятую долю составили незарегистрированные семейные отношения, в группе 65–69 лет таковых всего 3%.

Доли разведенных были почти равномерно распределены по пятилетним когортам в возрастах 35–59 лет (13–16%). В группе 50–54 года доли разведенных и вдов почти равны (14 и 13% соответственно). Пятая часть женщин предпенсионного возраста 55–59 лет, треть женщин 60–64 лет являются вдовами, две трети женщин в Российской Федерации бракоспособного возраста старше 70 лет являлись вдовами, почти четверть женщин старше 70 лет в браке, 5% были официально разведены.

Результаты переписи 2020 г. зафиксировали прирост населения бракоспособного возраста: на 2,9% у мужчин и на 1,8% у женщин по сравнению с 2010 г. По итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. доля российских граждан бракоспособного возраста, не указавших брачное состояние, увеличилась на 12%, составив 15%. Доля состоящих в браке женщин снизилась на 6%, по 3% составило снижение доли женщин, состоящих в неофициальном браке и никогда не состоявших в браке. Доля разведенных женщин снизилась на 1%.

В целом по РФ треть мужчин и 39% женщин старше 16 лет составляют брачный потенциал (разошлись, официально разведены или никогда не состояли в брачном союзе). За межпереписной период на 7% сократилась доля мужчин, состоящих в браке (54%), в том числе на 4% снизилась доля официальных семьянинов, на 3% — неофициальных, на 5% снизилась доля мужчин, никогда не состоявших в браке, структура остальных категорий, не состоящих в браке, осталась прежней: 6% официально и 2% неофициально разошедшихся и 4% вдовых. Незначительный прирост доли состоящих в браке отмечен в пятилетних группах от 25 до 44 лет (0,2–2,7 процентных пункта), в остальных группах отмечено снижение (0,3–3 процентных пункта).

В итогах переписи населения 2020 г. указаны 194 национальности. В РФ по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. среди национальных групп никогда не состояли в браке 38% мужчин-ингушей и карачаевцев, 37% балкарцев, 36% калмыков и якутов, 35% тувинцев, 34% осетин, в остальных группах — менее трети мужчин бракоспособного возраста, наименьшие показатели среди украинцев и белорусов таковых 6%, менее 20% — среди мордвы, казаков, карелов, молдаван, немцев и евреев, 22% удмуртов, 25% русских, 26% татар.

Среди большинства национальных групп в старших подростковых возрастных группах 16–17 и 18–19 лет 97–98% мужчин никогда не состояли в браке. Отличия продемонстрировали цыгане, чеченцы, молдаване, таджики, тувинцы. Наиболее ранняя брачность отмечена среди цыган: к 19 годам 13% мужчин этой национальности официально состояли в браке. В остальных этнических группах этот показатель значительно ниже. Так, в возрасте до 19 лет были женаты 5% чеченцев, молдаван и тувинцев (причем 4% последних состояли в незарегистрированных отношениях). Доля женатых мужчин среди таджиков составила 4%; среди киргизов, евреев и узбеков — по 3%; среди марийцев, удмуртов, якутов, ингушей, казаков, немцев, адыгов и алтайцев — по 2%. В остальных национальных группах показатель составил 1% и менее.

У женщин наибольшие доли никогда не вступавших в брак зафиксированы в тех же национальных группах, однако эти показатели ниже, чем у мужчин.

Доля таких женщин превышает треть только среди ингушек (35,5%). В остальных группах показатели распределились следующим образом: среди якуток 31%, тувинок 30%, калмычек и буряток по 29%, балкарок и карачаевок по 28%, осетинок 25%, а среди лакских и цыганских женщин по 24%. Минимальная доля безбрачия невест зафиксирована среди украинок (6%) и белорусок (7%). Показатель менее 15% отмечен также в группах евреев, коми-пермяков, мордвы, молдаван, казаков, немцев и карелов. Среди представительниц русских таковых 16%, татар 17,6%, башкирок 18,17%.

В группе 20–24 лет почти 40% цыганок, четверть коми пермяков и тувинок, пятая часть коми и молдаванок проживают в незарегистрированном браке. Общая доля состоящих в браке превышает половину девушек-азербайджанок, молдаванок, киргизок, узбечек, чеченок, табасаранок, таджичек, цыганок, турок. Менее трети невест среди осетин, грузин, карачаевцев, евреев, балкарцев, ингушей, корейцев, лакцев, калмыков вышли замуж в этом возрасте, соответственно более 65% составляют девушки, никогда не вступавшие в брак. Среди татар 36%, среди башкир и русских 39% находящихся в браке из числа девушек 20–24 лет.

В 2010 г. в группах молодежи 25–29 и 30–34 года наибольшая группа никогда не вступавших в брак девушек (35–40 и 20–32% соответственно) среди представительниц ингушей, осетин, балкарцев, карачаевцев, бурят, евреев, грузин, что может объясняться традициями обязательной регистрации брака, причем в некоторых случаях по старшинству дочерей, а также запретом на сожительства. Относительно невысокой (в пределах одной пятой) остается доля никогда не вступавших в брак девушек в группах чеченок, киргизок, молдаванок, узбечек и турок. Среди женщин в возрасте 25–29 лет, идентифицировавших себя как русские, татарки и башкирки, таковых около четверти, а в возрастной когорте 30–34 лет — 15%, 14% и 12% соответственно.

В 2020 г. в составе всех национальных групп возросла доля лиц, не указавших брачное состояние. В 2010 году доля таких лиц в большинстве национальных и возрастных групп была менее 1%. Исключение составила когорта

подростков 16–17 лет. В этом возрасте доля девушек и юношей, не указавших брачное состояние, среди таджиков и молдаван составила 1% и 2% соответственно; среди чеченцев — 2% и 3%; среди евреев — 3% и 5%, у грузин этот показатель составил по 3%, а среди казаков 6% и 7%. У ингушей для обоих полов по 6%, от 1 до 3% в возрасте 18–29 лет. По 2–3% у женщин таджичек старше 70 лет, киргизок в возрасте 16–17 лет и 65–69 лет, по 3% у киргизов 50–59 лет, у мужчин евреев 18–19 лет, от 4 до 7% доля таковых у мужчин корейцев 35–49 лет. В 2020 г. доля не указавших брачный статус составила от 10 до 13% у женщин и от 10 до 15% у мужчин среди киргизов, узбеков, таджиков, грузин, лакцев и русских. 5–9% не указавших брачное состояние среди представителей лезгинцев, кумыков, армян, азербайджанцев, евреев, корейцев, ингушей, осетин, аварцев, карачаевцев, туркмен, крымских татар, агулов, даргинцев, молдаван, казаков, в остальных национальных группах — менее 5%, поэтому структура по брачному состоянию в числе национальных групп представлена меньшими долями в сравнении с предыдущей переписью.

Наибольшая доля никогда не состоявших в браке мужчин отмечена среди туркмен (42%). Показатель ингушей остался прежним (38%). Несмотря на снижение на 4–5% у карачаевцев, балкарцев и тувинцев, на 3% у якутов и на 1% у осетин, доли в этих группах всё равно остались самыми высокими среди всех национальностей. При этом у чеченцев доля никогда не вступавших в брак возросла на 3%.

Наименьшие доли безбрачных у мужчин, несмотря на рост на 4%, сохранились в группах украинцев и белорусов (по 10%), менее 20% — среди грузин (снижение на 3%), как и в предыдущей переписи, среди мордвы, казаков, карелов, евреев, молдаван, немцев.

Среди украинских и белорусских женщин бракоспособного возраста доля не состоявших в браке осталась на уровне 6–7%, сохранив наименьший показатель среди национальных групп, менее 15% в группах, достижение доли ниже 12% среди женщин, указавших национальность евреев, мордвы, молдаван, каза-

ков, немцев, карелов также позволило остаться в группе наименьших показателей, у коми-пермяков доля осталась прежней (14%).

За межпереписной период доля незамужних женщин бракоспособного возраста заметно снизилась. Наиболее выраженная динамика зафиксирована у табасаранок — на 6% (до 13,3%), татарок — на 4% (до 13,9%) и чувашек — на 3,6% (до 13,4%). Среди русских женщин показатель сократился на 2,4% (до 13,6%), что позволило всем этим этническим группам войти в число регистрирующих наименьшую долю незамужних. У башкирок снижение составило 2,6%, однако итоговый показатель остался чуть выше — 15,6%.

По итогам переписи 2020 г. доля состоящих в браке мужчин превысила 70% у немцев, белорусов, украинцев, молдаван и табасаран; две трети бракоспособного населения показатель составил у даргинцев, мордвы, ногайцев, кряшен, агулов, удмуртов и рутульцев.

В возрастных группах от 35 до 60 лет прирост доли состоящих в браке относительно 2010 г. отмечен у тувинцев (на 2,5% у мужчин и на 2,3% у женщин) и у аварцев (на 2,7% у мужчин и на 2,4% у женщин). В результате доля женатых аварцев оказалась выше среднероссийского уровня на 7% у мужчин и на 6% у женщин. У чеченцев этот показатель, как и в 2010 г., превышает средний по РФ на 6% у мужчин (составляя 74,8%) и на 2,6% у женщин (при среднероссийском значении 73%).

В группе старше 60 лет преимущество над среднероссийскими показателями сохраняется у аварцев (на 5% у мужчин при среднем значении 63%; на 2,8% у женщин при среднем значении 35%) и у чеченцев (на 7% у мужчин и на 6% у женщин).

Почти равное соотношение долей незарегистрированных и зарегистрированных браков отмечено у цыган 27% и 31% у мужчин и 28% и 27% у женщин, наибольшие среди остальных этнических групп доли незарегистрированных брачных отношений 17% и 16% у тувинцев, 14% и 11% коми-пермяков, 11% и 10% хакасов, 10% и 8% алтайцев (мужчин и женщин, соответственно), поэтому низкая доля никогда не вступавших в брак может быть связана не столько с вы-

сокой официальной брачностью, но и с сохранением религиозных и культурных традиций обрядовой брачности, зафиксировать которую можно только по итогам переписи населения.

Выводы

Проведенный анализ данных Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. позволяет утверждать о постепенной утрате значимости этнического фактора для брачного поведения россиян. Этот процесс вписывается в общемировую тенденцию снижения значимости этнических и культурных барьеров при заключении браков, что обусловлено урбанизацией, ростом образовательного уровня, увеличением территориальной и социальной мобильности населения.

Различия в брачной структуре между национальными группами объясняются в первую очередь социально-экономическими, демографическими и ценностными факторами. За межпереписной период 2010–2020 гг. снизилась доля состоящих в браке как среди мужчин, так и среди женщин, данная динамика может частично быть вызвана ростом доли лиц, не указавших брачное состояние, а не с реальными изменениями брачного поведения. Наиболее значимые различия в брачной структуре между национальными группами наблюдаются в молодых возрастных когортах (20–29 лет) и связаны с сохранением традиционных брачных норм в некоторых этнических группах, например, ранней брачности, либо, наоборот, отражают складывание тенденции к откладыванию брака. У представителей кавказских этнических групп (чеченцев, ингушей, аварцев) зафиксирована традиционализация брачного поведения: снижение возраста вступления в брак, низкая доля разведенных, высокая доля официально зарегистрированных браков, уменьшение доли незарегистрированных браков. У граждан русских, татар, башкир, чувашей наметилась тенденция движения к европейской модели: поздние браки, рост доли разведенных и разошедшихся, неофициальных браков.

Однако эти различия в старших возрастных группах постепенно нивелируются, что свидетельствует о конвергенции брачных моделей. Доля незареги-

стрированных браков варьируется между национальными группами, наибольшие показатели зафиксированы у цыган, тувинцев, коми-пермяков, хакасов, алтайцев. Это может свидетельствовать о сохранении традиционных форм семейных отношений, не предполагающих обязательной государственной регистрации. Значительный брачный потенциал заключен в группе молодежи (16–29 лет), например, среди представителей русских, татар и башкир доля никогда не состоявших в браке за межпереписной период выросла на 3–5 процентных пунктов. Снижение доли никогда не состоявших в браке женщин за межпереписной период может быть связано с изменением социально-экономических условий и реализацией мер демографической политики. Причиной снижения доли состоящих в браке в старших возрастах становится вдовство: среди женщин старше 70 лет высокие показатели зафиксированы среди русских, чувашей, евреев (58–65,5%), низкие — среди чеченцев (48,7%) и аварцев (55,4%).

Значительный рост доли лиц, не указавших брачное состояние в 2020 г., особенно среди этнических групп с миграционной мобильностью (киргизов, узбеков, таджиков), создает методологические сложности для анализа реальных тенденций брачного поведения и требует дальнейшего совершенствования методики сбора данных. Перспективы исследования лежат в дальнейших специальных исследованиях предикторов, определяющих брачное поведение различных социально-демографических групп, с учетом региональной специфики, уровня образования, дохода и урбанизации, в том числе в дополнительных территориальных разрезах (город / село). Необходимо оценить влияние миграционного фактора, особенно для исследования изменений, произошедших в брачной структуре этнических групп, активно задействованных в данных процессах, чтобы обеспечить достоверность выводов о динамике брачного поведения в многонациональном обществе.

Список литературы

1. Абдульязнов А. Р., Архангельский В. Н., Биктимиров Н. М., Гневашева В. А., Ершова Г. Н., Ильдарханова Ч. И. Демографический доклад-2023. Га-

битус семейно-центристского поведения в Республике Татарстан (на основе данных Всероссийской переписи населения). Казань : Академия наук РТ, 2023. 271 с. EDN NCHWSX

2. Апалькова Т. Г., Левченко К. Г., Липагина Л. В. Статистическая оценка региональных особенностей проявления демографических угроз в сфере брачности, материнства и детства // Национальная безопасность / Nota Bene. 2024. № 5. С. 9-24. DOI 10.7256/2454-0668.2024.5.71570. EDN EGYMHU

3. Архангельский В. Н., Золотарева О. А., Кучмаева О. В. Показатели вступления в первый брак в реальных поколениях: методические и аналитические возможности данных текущего учета // Вопросы статистики. 2025. Том 32. № 6. С. 57-77. DOI 10.34023/2313-6383-2025-32-6-57-77. EDN IYPQWW

4. Баранов П. П. Государство-цивилизация как основа конституционного строя Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 73-81. DOI 10.22394/2074-7306-2024-1-2-73-81. EDN ZARRGK

5. Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Ершова Ю. Н. Российская модель брачности: возрастной и гендерный профиль (2011–2021 гг.) // Народонаселение. 2024. Том 27. № S1. С. 5-16. DOI 10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16. EDN QROBIJ

6. Карашпай С. М. Структура семьи и брачное состояние населения Республики Тыва (сравнительный анализ данных переписей населения 2010 и 2020 гг.) // Социодинамика. 2026. № 4. С. 103-116. DOI 10.25136/2409-7144.2026.4.79432. EDN RZLYGE

7. Корчагина Т. А. Брачность и разводимость как показатели демографической безопасности страны // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 7-1 (94). С. 177-180. DOI 10.24412/2500-1000-2024-7-1-177-180. EDN JRAOQY

8. Круг Э. А. Современные тенденции брачности и разводимости в Псковской и Новгородской областях // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2026. № 1 (47). С. 97-110. DOI 10.24412/2312-6647-2026-147-97-110. EDN ZHTFMT

9. Максимова Е. Д., Караулова Л. В., Короткова О. Л. Анализ брачной структуры населения РФ // Вектор экономики. 2024. № 5 (95). EDN CVPWWV

10. Малютина С. А., Логинова А. Е., Шевелева Е. Д. Статистическое исследование уровня брачности в Российской Федерации // Baikal research journal. 2024. Том 15. № 3. С. 1196-1207. DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1196-1207. EDN SJFROZ

11. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Брачные, репродуктивные, самосохранительные стратегии членов студенческих семей: по результатам глубинного интервью // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 1 (73). С. 74-82. DOI 10.52452/18115942_2024_1_74. EDN IJTFCJ

12. Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е. П. Модели брачности и разводимости в молодёжных когортах современной России // Наука. Культура. Общество. 2025. Том 31. № 3. С. 126-141. DOI 10.19181/nko.2025.31.3.9. EDN TOSXAY

13. Синельников А. Б. Влияние демографической политики на брачность и рождаемость в разных поколениях российских мужчин и женщин (по данным переписей) // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 83-101. DOI 10.21064/WinRS.2025.4.6. EDN LIAXDM

14. Тимофеева О. А., Леженина С. В. Тенденции брачности и разводов в современной России // Актуальные вопросы современной экономики. 2026. № 1. С. 201-211. EDN UGFARZ

15. Хурамшина А. З., Гневашева В. А., Хайруллина Ю. Р., Талибова Ф. Т. Демографическое состояние Республики Татарстан: динамика показателей и основные тенденции // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2025. № 2 (69). С. 55-62. DOI 10.26907/2079-5912.2025.2.55-62. EDN ZPKGAY

16. Iannone R. L., Murdock E. From object to subject through identity collages: Journeys to the metaphor-informed identity // Human arenas. 2025. DOI 10.1007/s42087-025-00487-w. EDN ITFBFY

17. Klein Ja. W., Bastian B., Odjidja E. N., Ayaluri S. S., Kavanagh Ch. M., Malla A. M., Whitehouse H. Identity fusion can foster intergroup trust and willingness to

cooperate // Communications psychology. 2025. Vol. 3. No. 1. P. 124. DOI 10.1038/s44271-025-00303-9. EDN DUTIMU

18. Yue P. Europe, China, and their civilizational choices // Comparative studies on Chinese and Western civilizations. Beijing: New world press. 2026. P. 477-542. DOI 10.1007/978-981-96-4994-5_8

19. Zhao F., Wen F., Ye H., Wang Y., Zuo B. Dual-identity reminders convey acceptance and trust: Dual-identity reminders from opponents and third parties can both promote intergroup reconciliation // Current psychology. 2026. Vol. 45. No. 1. Art. 59. DOI 10.1007/s12144-025-08722-x. EDN HVZXLB

References

1. Abdulzyanov, A. R., Arkhangelsky, V. N., Biktimirov, N. M., Gnevasheva, V. A., Ershova, G. N., Ildarkhanova, Ch. I. (2023). Demographic report 2023. Family-centristic behaviour in the Republic of Tatarstan (based on the All-Russian population census)., 271. EDN: NCHWSX

2. Apalkova, T. G., Levchenko, K. G., Lipagina, L. V. (2024). Statistical assessment of regional characteristics of the manifestation of demographic threats in the sphere of marriage, motherhood and childhood. National Security / Nota Bene, 5, 9-24. EDN: EGYMHU. <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2024.5.71570>

3. Arkhangelskiy, V. N., Zolotareva, O. A., Kuchmaeva, O. V. (2025). First marriage rates in real generations: Methodological and analytical potential of current registration data. Voprosy Statistiki, 32(6), 57-77. EDN: IYPQWW. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2025-32-6-57-77>

4. Baranov, P. P. (2024). State-civilization as the basis of the constitutional system of the Russian Federation. North Caucasus legal vestnik, 2, 73-81. EDN: ZARRGK. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-73-81>

5. Ildarkhanova, Ch. I., Ershova, G. N., Ershova, Iu. N. (2024). Russian model of marriage: Age and gender profile (2011–2021). Population, 27(S1), 5-6. EDN: QROBIJ. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16>

6. Karashpai, S. M. (2026). The structure of families and marital status of the population of the Republic of Tuva (comparative analysis of data from the 2010 and 2020 censuses). *Sociodynamics*, 4, 103-116. EDN: RZLYGE. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2026.4.79432>

7. Korchagina, T. A. (2024). Marriage and divorce as indicators of the demographic security of the country. *International journal of humanities and natural sciences*, 7-1(94), 177-180. EDN: JRAOQY. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-7-1-177-180>

8. Krug, E. A. (2026). Contemporary trends in marriage and divorce in the Pskov and Novgorod regions. *MCU journal of economic studies*, 1(47), 97-110. EDN: ZHTFMT. <https://doi.org/10.24412/2312-6647-2026-147-97-110>

9. Maksimova, E. D., Karaulova, L.V., Korotkova, O. L. (2024). Analysis of the marital structure of the population of the Russian Federation. *The vector of the economy*, 5(95). EDN: CVPWWV

10. Malyutina, S. A., Loginova, A. E., Sheveleva, E. D. (2024). Statistical study of the marriage rate in the Russian Federation. *Baikal research journal*, 15(3), 1196-1207. EDN: SJFROZ. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2024.15\(3\).1196-1207](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2024.15(3).1196-1207)

11. Rostovskaya, T. K., Vasilieva, E. N. (2024). Marriage, reproductive, self-preservation strategies of student families: According to in-depth interviews. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social sciences*, 1(73), 74-82. EDN: IJTFCJ. https://doi.org/10.52452/18115942_2024_1_74

12. Sivoplyasova, S. Yu., Sigareva, E. P. (2025). Models of marriage and divorce in the youth cohorts of modern Russia. *Science. Culture. Society*, 31(3), 126-141. EDN: TOSXAY. <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.9>

13. Sinelnikov, A. B. (2025). The impact of demographic policy on marriage and fertility rates in different generations of Russian men and women (based on census data). *Woman in Russian society*, 4, 83-101. EDN: LIAXDM. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2025.4.6>

14. Timofeeva, O. A., Lezhenina, S. V. (2026). Trends in marriage and divorce in modern Russia. *Actual issues of the modern economy*, 1, 201-211. EDN: UGFARZ

15. Khuramshina, A. Z., Gnevasheva, V. A., Khayrullina, Y. R., Talibova, F. T. (2025). Demographic status of the Republic of Tatarstan: Dynamics of indicators and main trends, 2(69), 55-62. EDN: ZPKGAY. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.55-62>
16. Iannone, R. L., Murdock, E. (2025). From object to subject through identity collages: Journeys to the metaphor-informed identity. Human arenas. EDN: ITFBFY. <https://doi.org/10.1007/s42087-025-00487-w>
17. Klein, Ja. W., Bastian, B., Odjidja, E. N., Ayaluri, S. S., Kavanagh, Ch. M., Mala, A. M., Whitehouse, H. (2025). Identity fusion can foster intergroup trust and willingness to cooperate. Communications psychology, 3(1), 124. EDN: DUTIMU. <https://doi.org/10.1038/s44271-025-00303-9>
18. Yue, P. (2026). Europe, China, and their civilizational choices. Comparative studies on Chinese and Western civilizations. Beijing: New world press, 477-542. https://doi.org/10.1007/978-981-96-4994-5_8
19. Zhao, F., Wen, F., Ye, H., Wang, Ya, Zuo, B. (2026). Dual-identity reminders convey acceptance and trust: Dual-identity reminders from opponents and third parties can both promote intergroup reconciliation. Current psychology, 45(1), 59. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-08722-x>. EDN: HVZXLB